1. Из чего выбирать? Контуры «Большой стратегии»

У нас есть возможность остаться региональным лидером на пространстве СНГ, занять ведущие позиции в Европе и даже реально вырваться в мировой авангард. Но не исключен и другой вариант: мы переходим в категорию развивающихся стран…[16].

И. Юргенс,
председатель правления ИНСОР

Уже двадцать лет российское общество находится в поисках своей идентичности, новой системы ценностей и собственного пути развития[17].

С. Миронов

В начале второго десятилетия XXI века в России стали вырисовываться самые общие контуры политической идеологии. До этого в общественном сознании доминировали разновекторные направления — либерально-демократическая (ориентированная на западную систему ценностей), «прагматическая» (декларировавшая отказ от любой идеологии), посткоммунистическая (как модификация коммунистической, советской), наконец, имперско-державная (которая, в свою очередь, делилась на либерально-имперскую, самодержавную, державную и националистическую).

Понятно, что такие разные, даже противоположные в своей направленности векторы в разные периоды задавали разные импульсы национальному и государственному строительству.

Во втором десятилетии проявился новый, во многом суммирующий разнонаправленные силы, вектор — евразийство. Он аккумулировал не только очевидные экономические потребности в интеграции, но и философские представления В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, ностальгию по советско-имперскому прошлому, а также очевидные надежды на объединение военно-политических, интеллектуальных, образовательных и духовных возможностей России и бывших советских государств. Во многом этот новый вектор, активизированный В. Путиным, Н. Назарбаевым и А. Лукашенко осенью 2011 года политически и экономически, стал стремительно развиваться в последующее время, далеко выходя за рамки декларированной или стратегии евразийской экономической интеграции. Вот почему важно понимать, каким образом и в какой степени разные политико-идеологические векторы развития способствовали и препятствовали появлению новой политико-идеологической тенденции.

Осознание правящей элитой и обществом национальных интересов и ценностей — сложный и неоднозначный процесс, от которого, как показывает история, зависит не только стратегический прогноз, адекватное политическое целеполагание и распределение ресурсов нации, но и стратегия и тактика реализации поставленных целей. Отсюда — важнейшая роль принадлежит идеологии, в рамках которой и происходит этот процесс.

Надо понимать, что выбор элитой идеологии — это прежде всего выбор относительно устойчивой системы взглядов на цели и способы развития, т. е. это решение подразумевает само по себе постановку и ответ на многие вопросы. Но не только. Эта система взглядов, в конечном счете, превращается в алгоритм развития общества и государства, когда общество привыкает жить по заданным идеологическим ориентирам, а те, в свою очередь, превращаются в писаные и иные законы и нормы[18]. Другими словами, идеология — это по сути выбор будущего для нации, государства и общества. Это выбор системы взглядов и отношения людей к важнейшим явлениям действительности. Применительно к прежним идеологиям, это выбор между будущим как части западноевропейской цивилизации (либерализм), маневрирование между бюрократизмом и либерализмом (прагматизм), возврат в советское прошлое (посткоммунизм), либо новое качество — евразийский вектор развития.

Это выбор не только внутриполитический. Этот выбор должен учитывать и международные реалии. В том числе и такие, как фактический гегемонизм США, растущую мощь Китая, неэффективность международных институтов, которые ректор МГИМО(У) А. Торкунов четко определил, что они имеют «недостаточно высокий КПД»[19]. В конечном счете, это выбор между суверенитетом (сохранением нации — цивилизации) и превращением в зависимую региональную державу, теряющую национальную идентичность и суверенитет.

Этот политико-идеологический выбор принципиально отличен от выбора, который делается в частных концепциях и стратегиях развития, ориентированных на детали. Эти концепции конкретизируют идею идеологического выбора (либо, что тоже случается, не совпадают с ним). Вот почему политическую идеологию можно назвать «Большой стратегией», в отличие, например, от Стратегии национальной безопасности России до 2020 года или Концепции социально-экономического развития до 2020, или Военной доктрины Российской Федерации и других частных стратегий. Так, в описании ключевого понятия «национальные интересы», Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (принятая 12 мая 2009 г.) ограничивается следую-

щими интересами «на долгосрочную перспективу»[20]:

— развитие демократии и гражданского общества, повышение конкурентоспособности национальной экономики;
— незыблемость конституционального строя, территориальной целостности и суверенитета;
— превращение России в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности…

Как видно, в этом документе не сформулированы реальные общенациональные интересы и ценности, которые обладают российской спецификой — культурной, исторической, духовной. Эти интересы абстрактно приемлемы для **любого** общества («развитие демократии» и т. д.), **любой** экономики («повышение конкурентоспособности»), **любого** государства (территориальная целостность, суверенитет, «незыблемость конституционного строя»). Единственный масштабный политический интерес — «превращение России в мировую державу» — размыт условием «поддержания стратегической стабильности». Следует признать, правда, что В. Путин скорректировал это представление в феврале 2012 года — несколько неожиданно для элиты, — заявив (совершенно справедливо), что Россия должна стать мировым культурно-духовным лидером[21], но это заявление пока что не нашло ни своего развития, ни закрепления в документах и конкретных планах, в т. ч. планах финансово-экономических.

Такая излишняя универсальность и неконкретность в понимании стратегических национальных интересов и ценностей неизбежно ведет прежде всего к непоследовательности и противоречивости при принятии отдельных решений, а также, сковывает инициативу тех, кто должен принимать самостоятельно такие решения.

Приведу один пример. Очевидно, что развитие экономики знаний и наукоемкой промышленности требует огромных средств, которых, как говорят, «крайне мало». Вместе с тем в декабре 2011 года Россия выделила Кипру займ в 2,5 млрд долл. на пять лет под 4,5% годовых[22]. Российская промышленность таких щедрых кредитов никогда не получала. Ответ прост: Россия стабилизирует ситуацию в экономике чужой страны, помогая своим оффшорам. Тем самым, о которых В. Путин нелестно отзывался за две недели до этого.

Возникает вопрос: а чем, собственно, интересы нашей нации отличаются от интересов других наций и государств? Например, от интересов Люксембурга или Китая? Ответ на этот вопрос Стратегия национальной безопасности России не дает. Наверное, и не должна давать, поскольку понятие «интересы национальной безопасности» значительно уже, чем «национальные интересы» (потребности), основой которых являются сохранение нации и её идентичности, защита и продвижение её системы ценностей в мире (что, кстати, присутствует как в американской, так и в китайской идеологии и их официальных документах). Так, в национальных интересах США, судя по всему, а, точнее, в интересах американских нефтегазовых, военно-промышленных и финансовых компаний, Б. Обама всячески инспирирует истерику в отношении Ирана, хотя Пакистан, например, не только обладает ядерным оружием, но и поддерживает талибов и «Аль-Каиду». Национальный интерес США, как считают эксперты, заключается в том, чтобы спровоцировать Иран на блокаду Ормузского пролива с тем, чтобы максимально сократить поставки относительно дешевой нефти и взвинтить на нее цену (а также на газовый конденсат) «В случае если Иран перекроет Ормузский пролив, на мировой рынок перестанут поступать нефть и газ (либо поставки сильно сократятся) из Саудовской Аравии, Бахрейна, Ирака, Катара, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов. **В результате образуется дефицит, и цены стремительно взлетят вверх. В этих условиях добыча трудноизвлекаемых запасов углеводородов в Северной Америке станет весьма и весьма рентабельной. Президент США Барак Обама объявил достижение энергетической самодостаточности США национальным проектом, который позволит снизить зависимость страны от поставок из нестабильных регионов и создать более 1 млн новых рабочих мест.** При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что в последние 10 лет американцы неуклонно сокращают импорт нефти из стран Ближнего Востока, предпочитая иметь дело с поставщиками из Африки и Латинской Америки»[23].

Как видно, речь здесь идет о широких интересах США, прежде всего внутриполитических, когда проблемы внешней политики и безопасности играют второстепенную роль. В частности, США мало беспокоит как будут компенсированы поставки энергоносителей Японии, Китаю и странам Западной Европы.

Для того чтобы яснее представить себе место и роль идеологии — как «Большой стратегии» — целесообразно попытаться схематично изобразить всю основную элементную базу в виде рисунка (рис. 1), с помощью которого я буду в дальнейшем иллюстрировать те или иные положения современной идеологии. Несмотря на свою схематичность и простоту, этот рисунок позволяет лучше представить сложную взаимосвязь всех основных элементов идеологии, или «Большой стратегии», вычленив объективные и субъективные факторы. Этот рисунок в 70-х годах прошлого века был предложен ныне покойным профессором МГИМО(У) МИД России М. Хрусталёвым. Далее неоднократно будет использоваться мной в данной работе.

Как видно из рис. 1, область идеологии (Большой стратегии) охватывает очень широкий спектр материальных, культурных, духовных и интеллектуальных элементов, которые можно формализовать по нескольким признакам. Например, социальным, экономическим, военным, культурным и пр., либо

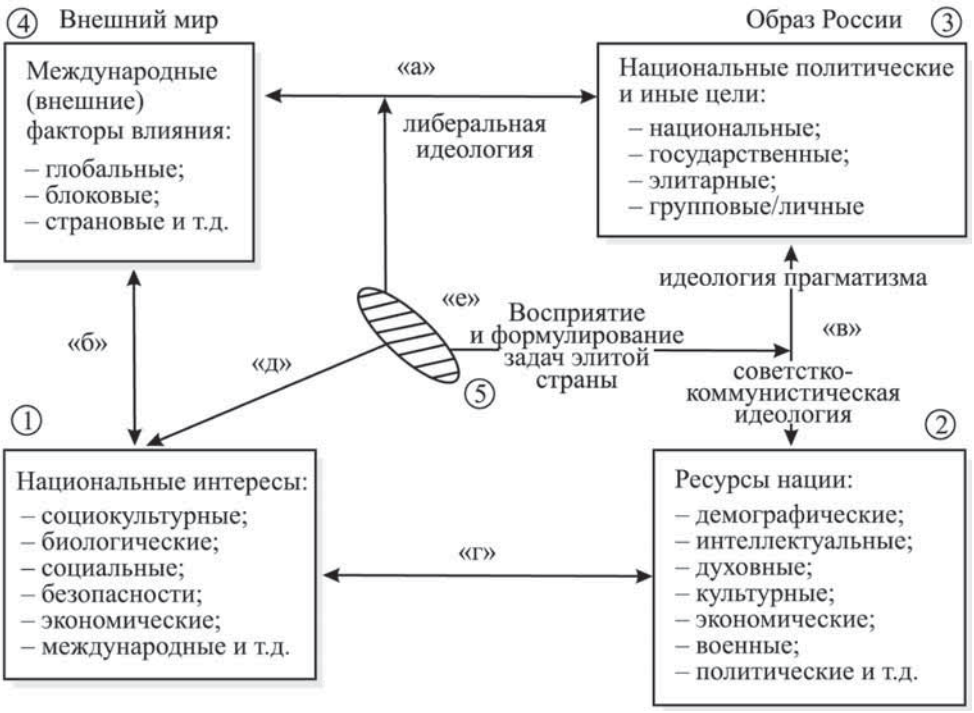

Рис. 1. Схема взаимосвязей основных элементов политической идеологии

по времени — краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные, — либо по пространственному охвату — глобальные, региональные, страновые.

Важно подчеркнуть, что все это многообразие охватывается идеологией как системой устойчивых взглядов общества. А отдельные стратегии и концепции являются всего лишь её частными случаями, более или менее точным проявлением, имеющими к тому же, весьма субъективный характер и достаточно краткосрочный характер. Так, Концепция национальной безопасности России менялась за последние 15 лет несколько раз, а концепции социально-экономического развития «корректируются» чуть ли не ежегодно. Это очень важно понимать. Субъективное восприятие элитой и обществом национальных интересов и ценностей — важнейшая составляющая идеологии, которая крайне болезненно отражалась на всей истории России. Так, элемент № 5 — восприятие элитой страны объективных реалий, как видно, — по определению **субъективен**. Он может идти как по направлению либерализма, когда факторы глобализации играют доминирующую роль, либо по направлению традиционализма (советско-коммунистического), когда реалии глобализации игнорируются, а опора делается на собственные ресурсы. Идеология «прагматизма» представлена на рисунке «зигзагом», компромиссом между первым и вторым векторами.

Эта идеология, как подметил Л. Васильев, отражала стремление В. Путина демонстрировать в политике тактику баланса, «Продолжать реформы, не нравившиеся пострадавшему от них населению, значило вызвать огонь со стороны архаично-антизападного и зараженного бациллой коммунизма большинства. А выступить против означало лишиться поддержки Запада и рисковать конфронтацией с ним, что было неприемлемо для команды президента, порвавшей с коммунизмом и ориентировавшейся на получение сверхприбылей от подорожавших углеводородов. Сделав выбор, но, не стремясь его афишировать, Путин вынужден был избрать тактику баланса»[24].

Политически, в условиях системного кризиса, доставшегося В. Путину в наследство от Б. Ельцина, — это было, наверное, единственно мудрое решение. Но плата за него — отказ от идеологии и ясной стратегии становилась все тяжелее по мере преодоления такого кризиса.

Наконец, идеология «евразийства» (в своих разновидностях социального-консерватизма, или русского социализма) представляет «собой ту же направленность, что и «прагматизм», но уже без зигзагов, более целенаправленно к последовательности. Означает ли это отказ от прежней тактики баланса — покажет только время, но ясно, что продолжение этой тактики негативно сказывается на стратегическом курсе страны.

Элита субъективно трактует (с разной степенью адекватности) прежде всего национальные интересы и ценности, трансформируя их во внешнеполитические и внутриполитические цели. Иногда это восприятие и трактовка настолько неадекватны (как это было в России в 90-е гг. прошлого века), что цели вообще не отражают национальных интересов. Например, «демократизация» и «рынок», ставшие главными целями реформ 80–90-х годов XX века,

привели к огромным экономическим и демографическим потерям, которые либералы считают до сих пор «платой» за развал коммунистической системы. Между тем можно ли адекватно относиться к такой плате? На мой взгляд, нет, ведь только прямые потери граждан СССР в конфликтах за этот период составили сотни тысяч человек, а беженцев — десятки миллионов[25] (табл. 1).

Табл. 1. Число погибших и беженцев (внутренних переселенцев) в вооруженных конфликтах на территории бывшего СССР

	Число погибших (тыс. чел.)	Число беженцев и вынужденных переселенцев (тыс. чел.)
Нагорный Карабах (1988–1994)	24,0	2017
Абхазия (1992–1994)	12,0	653
Южная Осетия (1991–1992)	1,1	
Таджикистан (1992–1996)	23,5	970
Приднестровье (1992)	0,8	136
Чечня (1994–1996)	35,7	750
Осетино-ингушский конфликт (1992–1993)	1,0	
Ош (1990)	0,3	105
Фергана (1989)	0,1	240
Всего	98,5	4871

Можно ли говорить о том, что заявленные цели отражали национальные интересы? Конечно, нет. Тогда чьи интересы отражали эти цели? Групповые? Личные? Зарубежных «супостатов»? До сих пор мы не можем сойтись в понимании и трактовке этих важнейших понятий. Дискуссии продолжаются, в том числе и в самой острой политической форме. Это субъективное понимание национальных интересов и их реализации за прошедшие десятилетия — от И. Сталина до В. Путина — остается политической, а не исторической проблемой. Ниже я не раз еще вернусь к этим вопросам, рассматривая все группы элементов «Большой стратегии». Здесь же важно подчеркнуть несколько обстоятельств.

Во-первых, Большая стратегия, (или, повторю, идеология), как система взглядов национальной элиты и общества, заведомо шире и масштабнее любых, самых долгосрочных, стратегий и концепций, ибо она должна органично связывать **все существующие и даже возможные группы элементов политико-идеологической доктрины**, а не отдельные, иногда маргинальные категории. Так, принципиальным представляется выбор между двумя приоритетами — Евразийской интеграцией, либо интеграцией с Евросоюзом. В первом случае, административные и финансовые ресурсы будут концентрироваться на развитии Сибири и Дальнего Востока (например, как заявил В. Путин 7 февраля 2012 года, о необходимости потратить часть Резервного фонда — до 1 трлн рублей — на развитие инфраструктур[26].

Во втором, — развитие возможностей, представляемых вступлением в ВТО, которые, по оценке Всемирного банка, дадут дополнительный прирост ВВП в 3% и доходов населения до 7%[27]. Делать одновременно и первое, и второе вряд ли возможно. Развивать Сколково, ущемляя ново-сибирский Академгородок, — можно, а, вот, вместе, как показывает практика, — нет. Предстоит сделать политико-идеологический выбор, который, по мнению В. Цымбурского нужно сделать в пользу Сибири: «Нам нужен не „поворот лицом к Европе“, куда мы взирали в течение всех имперских веков, а поворот к неиспользованным возможностям, открывающимся в нынешнем положении России»[28].

Пока что у нас самодовлеющее значение имеют макроэкономические показатели, фактически игнорирующие другие, более важные для нации критерии. Как, например, справедливо признал экономист С. Глазьев, «…методы проведения реформ оказались неприемлемыми для морально-нравственных ценностей, определяющих народное сознание»[29].

Во-вторых, «Большая стратегия» является **общим представлением** по отношению к ряду частных — экономических, финансовых, социальных, военных, культурных и т. д., — которые должны быть **производными** от нее, а не наоборот. Что, кстати, и происходит, когда «Большую стратегию» в России начинают трактовать отдельные социальные слои («демократы», «коммунисты» и др.), либо группы и представители тех или иных профессиональных сообществ или ведомств («финансисты», «чекисты», «сырьевики» и т. д.). В 2011–2012 годах на политическую арену вышли креативные группы граждан, которые начали формировать свою политическую повестку дня. С одной стороны, это, безусловно, позитивное явление, а, с другой, — остается вопрос, в какой мере эти группы отражают общенациональные, а не групповые интересы, либо чьи-то вообще амбиции.

В-третьих, Национальная идеология («Большая стратегия»), в отличие от доктринальных документов (официально принятых взглядов, как, например, в Военной доктрине России), не только шире, но и менее нормативна. Хотя в известные периоды, например, в эпоху СССР, она и носила не просто строго нормативный, но даже доктринальный характер. Национальная идеология сохраняет в себе историческую и культурную специфику, а не воззрения правящего класса (элиты), существующие в настоящее время. В этом смысле необходимо

четко различать такие важнейшие категории, как национальные и государственные интересы и цели, которые далеко не всегда совпадают, а иногда и противоречат друг другу.

В-четвертых, идеология ориентирована на большинство нации, все слои населения и национальную элиту. В отличие от нормативных, имеющий необязательный характер стратегий и доктрин, которые являются по своей сути руководящими документами только для чиновников. В этом качестве идеология является **эффективным инструментом управления**, с помощью которого все элементы государственного аппарата и институты общества могут действовать целенаправленно и синхронно, а также, что важно, без дополнительных и обязательных разъяснений и приказов.

Пока же мы наблюдаем обратное, ежедневно, в течение многих лет, президент, премьер, министры выступают с заявлениями и разъяснениями частного характера. Это — ручное управление, «подача сигналов» обществу, — крайне неэффективно потому, что за каждым таким ежедневным «сигналом» должна следовать работа на конкретный результат. Которого, как правило, нет.

Это противоречие заложено в самой основе идеологии консерватизма, доминировавшей в последние годы. Исследователи этой идеологии В. Гончаров, в частности, пишет: «она приложила немало усилий, **чтобы создать максимально нейтральное представление о „российском консерватизме“. С партийной точки зрения — это «идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций. Это идеология успеха нашего народа, сохранения и модернизации России на основе собственной истории, культуры, духовности. И одновременно это идеология, призванная освободить страну от застарелых социальных недугов, разрушить преграды на пути инноваций, новых достижений**. Ее цель — построение новой, свободной, процветающей, сильной России на основе общих ценностей и интересов. **Ее ценности — любовь к родине, крепкая семья, здоровый образ жизни, профессионализм, гражданская солидарность**»[30].

В-пятых, идеология, в силу указанных выше причин, более адекватно отражает реальность и предлагает более эффективные методы, чем частные стратегии, которые нередко готовятся узкой группой экспертов. Она проходит критическую «экспертизу» общества, элиты, отдельных социальных групп. Более того, она всегда находится в стадии корректировки и модернизации, в отличие от нормативных документов и стратегий, которые быстро устаревают. В этом смысле идеология дает более точный анализ и более выверенные предложения, чем принятые нормативные документы, которые читаются только некоторыми чиновниками и, конечно же, уже не критикуются ими, а тем более частные макроэкономические концепции. Так, отстаивая многие годы идею «макроэкономической стабильности», монетарные власти страны пришли к концу 2011 года к выводу, что результатом такой политики в 2012 году будет… рецессия, что «внутреннего потенциала для роста у экономики РФ нет, вся надежда на сырьевые доходы, которые не гарантированы»[31].

Таким образом, выбор идеологии («Большой стратегии») имеет значительно более важное значение, чем выбор любых стратегий или доктрин, разработанных Советом безопасности, МЭРом, Минфином, либо другими ведомствами. Тем более монетарными властями.

Парадокс, однако, заключается в том, что именно это, — самое важное изначально, — звено выпадает из внимания общественности. Его пытаются заменить суррогатами — посланиями президента РФ, партийными программами, «стратегическими концепциями», — которые, конечно же, не предназначены для этого. Идеология, как система политических, правовых, нравственных, религиозных, философских взглядов, в которых осознается, оценивается и формируется отношение людей к действительности[32], игнорируется. Что видно на подходе власти к решению практических проблем, в т. ч. проблемы модернизации. Как справедливо заметил С. Миронов, «…модернизация всё еще не осознана как актуальная философская задача первостепенной значимости. Страна не может никуда двигаться без ясно осознанных и твердо усвоенных стратегических перспектив»[33].

Нерешенность общих проблем, как известно, затрудняет решение частных. Все хорошо знают, что «нет ничего более практического, чем хорошая теория». Это в полной мере относится и к выдвинутым властью во второй половине десятилетия тезисам об опережающем развитии и модернизации, которые, надо сказать, так и не получили внятного определения, — прежде всего, политико-идеологического. Может сложиться ситуация, как и в конце 80-х годов, когда вся страна «включилась в перестройку», не поняв ясно целей и средств ее достижения. Уже сейчас, например, модернизация рассматривается в первую очередь как технологический процесс смены оборудования и внедрения наукоемких технологий. Соответственно и принимаются решения — Сколково, создание исследовательских университетов и т. п. инициативы, ориентированные на технологию и технику, а не на идеи, которые являются постановщиками задач для этой техники. И, тем более, не на людей и соответствующие социальные институты, способные реализовать такие идеи.

В любом случае пора определиться не только с идеологией модернизации, но и идеологией развития всего общества и нации, **сделать выбо**р не только системы ценностей, но и алгоритма развития нации и государства.

Выбор идеологии развития России предполагает также отказ от других идеологий и концепций: нельзя одновременно идти двумя путями к одной цели. Выбор необходим, даже если вы «отказываетесь от идеологий, как об этом неоднократно заявляли советские и российские деятели — от А. Яковлева до В. Путина, — проповедуя вместо неё прагматизм (который тоже является своего рода идеологией).

Формально такой выбор может быть сделан из пяти основных идеологий, сложившихся еще в XIX веке:

1. Либеральная;
2. Консервативная;
3. Социалистическая (Коммунистическая);
4. Анархическая;
5. Националистическая.

Но это — только формально. Прежде всего, потому что у этих идеологий есть множество разновидностей. Так, если взять, например, идеологию анархизма[34], то ее представляют сегодня в том числе и как политическую философию, в основе которой лежит идея о том, что общество «может и должно быть организовано без государственного принуждения». При этом существует множество различных направлений, типов и традиций анархизма, которые часто расходятся в тех или иных вопросах: от второстепенных до основополагающих (в частности — относительно взглядов на частную собственность, рыночные отношения, этнонациональный вопрос)». Так, существуют социальный анархизм, индивидуалистический анархизм, коллективный анархизм, анархо-коммунизм, анархо-синдикализм, анархизм без прилагательных» и т. д. и т. п.

Разнообразие форм, течений и тенденций существует и внутри социалистической (базовой) идеологии. Сегодня это три основных течения (разбавленные различными видами): марксизм, реформизм и анархизм.

Аналогичная ситуация наблюдается и в базовой идеологии консерватизма, которая сегодня имеет множество разновидностей, среди которых есть, на мой взгляд, и очень перспективные, как, например, идеология социального консерватизма. Только в условиях порядка, по мнению социал-консерваторов, могут быть обеспечены подлинная свобода и подлинный прогресс, которые несут не только рост производства качественных товаров и услуг, но и прогресс в социальной, нравственной, духовной сфере. Это подразумевает улучшение качества жизни путём отказа от количественных показателей мнимых благ, путём разумного потребления качественных товаров и услуг, а также приверженность к подлинным христианским ценностям, что сделает саму жизнь более достойной и обеспечит её материалом для развития физического и морального здоровья общества.

В отличие от идеологического консерватизма, имеющего антиглобалистический и националистический характер, в котором отсутствует гибкость и способность трезво взглянуть на суть вещей, социальный консерватизм не ведет политику изоляции от всего мира, не противостоит эволюционному развитию, а старается способствовать укреплению православных ценностей, демократических принципов на глобальной политической арене и положительному развитию стран. По мнению социал-консерваторов, несоблюдение перечисленных выше задач к примеру, в России способствовало бы превращению её в сырьевую колонию[35].

2. Прагматизм[36] правящей элиты как идеология

Суть прагматизма заключается в том, что понятие предмета отождествляется со связанными с ним практическими последствиями.
Ч. Пирс

Прагматизм полагает, что метод авторитета всегда будет управлять массой человечества.

Кризис либеральной идеологии одним из своих последствий имел не только крах политической и экономической модели, но и стремление уйти от идеологии вообще. От любой — коммунистической, националистической в том числе. В России этот уход превратился в стойкую тенденцию, которую можно назвать «идеологией прагматизма», которая с конца 80-х годов до 2012 года, безусловно, доминировала в стране. Вина либерализма, точнее, кризиса либеральной идеологии, проявилась и в том, как писал известный политолог Ф. Закария, что «…в сознании людей, населяющих современный западный мир, происходит пугающее смещение смысла демократии и либерализма, либерализма и свободы, свободы и справедливости…»[37].

Критерии практичности и полезности применительно к нации — достаточно ограничены и субъективны. Более того, они фактически лишают ее перспективы развития и нравственной основы, игнорируют систему ценностей и традицию. Прагматизм В. Путина, например, имел своим следствием фактический отток капитала из страны, достигавший десятков миллиардов долларов, людей и «мозгов», измерявшихся миллионами человек. Этот «прагматизм»